

УДК 930

Суворова Наталья Геннадьевна,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения

Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,

sng19911@rambler.ru

Сословные практики интеграции степного населения в колонизационных проектах имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.)

Аннотация: В статье проанализированы проекты и мероприятия сибирской администрации по интеграции населения степных окраин в сословную структуру Российской империи. Создание сословной категории «сибирские киргизы» рассматривается как частный случай окраинной / степной инородческой политики и практики второй половины XIX – начала XX вв. Уже с 50-х гг. XIX в. во Втором Сибирском комитете провозглашается новый курс на последовательную интеграцию Сибири в российское политико-административное и социальное пространство. Обострение национальных проблем на западных окраинах привносит и в сибирские проекты этническую и национальную риторику, провозглашается в качестве программы русификация региона. Однако колонизационные практики интеграции сохраняли преимущественно сословный, административный, а не этнический характер. В конце XIX – начале XX в. в текстах имперских экспертов на смену сословной стратификации степного населения начинает внедряться классовый подход. В статье выявлен и охарактеризован один из факторов, объясняющий распространение и популярность именно классовых стратификаций в среде переселенческих чиновников.

Ключевые слова: колонизация, степная политика, интеграция, сословие, имперские эксперты, инородцы, сибирские киргизы, волость, полуседелая волость.

Дискуссии по «инородческим вопросам» Российской империи вполне можно отнести к вечным. Новая имперская история с ее обостренным вниманием к национальным и региональным проблемам добавила академической актуальности к этой изрядно идеологизированной теме. Среди имперских составляющих данной темы выделим проблему классификаций «нового населения», которые создаются имперскими экспертами по заказу администрации для эффективного социального управления, фискальной практики и социокультурной интеграции во внутреннее пространство империи.

Стоит обратить внимание, что в рамках этого направления преобладает исследование именно этнических / национальных классификаций,
© Н.Г. Суворова, 2014

неоправданно абсолютизируя «нациецентричный взгляд на мир», исключая или недооценивая иные формы социальной стратификации [2, с. 301]. Можно отметить также не вполне оправданное историографическое допущение, любые мероприятия в отношении коренных народов именовать национальной политикой, а содержание этой политики сводить к русификации населения. Исходя из этого и ключевое понятие «инородец» (даже в правовом контексте) прочно вписывается в колониальный или колонизаторский дискурс, а с точки зрения общественного сознания в историю национализмов и национальных фобий [21, с. 502–503].

Оправданное признание инородческой политики «сложной и противоречивой» [6] объясняет интерес к исследованию казусов, причем даже тех, которые не сложились в особый правовой феномен, а существовали только в виде проектов. «Степной проект», имея много общего с иными инородческими / азиатскими интеграционными программами империи, тем не менее, достаточно редко представляется в сопоставлении (3; 4) и, тем более, сложно найти сравнение сословной и административной политики в отношении разных категорий, но все же сельского населения (с различными этническими, конфессиональными характеристиками, но общим «сельским образом жизни» и единой сословной категорией «сельский обыватель»). Призыв В.С. Дякина изучать административную политику самодержавия не раскалывая ее на множество сегментов по отношению к крестьянам различных категорий и казакам, бурятам, татарам, якутам, так и не был услышан [8, с. 131].

Характеризуя «Степной инородческий проект» империи в современной историографии, обращусь к мнению специалистов. В 2002 г. Е.В. Безвиконная в диссертационном исследовании написала о снижении активности российских исследований в изучении проблем исторических связей империи с кочевым обществом [2]. Спустя десять лет А.В. Ремнев еще раз отметил этот удручающий факт – отсутствие интереса в отечественной исторической науке к истории Казахстана имперского периода [19; 20]. С другой стороны, вряд ли можно рассчитывать, что возрастающий интерес к этому региону со стороны современных американских, европейских, китайских и японских исследователей, а также, закономерный «историографический бум» в Республике Казахстан [10, с. 499–517], будут способствовать формированию взвешенных оценок в отношении «строителей империи», их вклада в научное и хозяйственное освоение региона, создания «более или менее мирного» полиэтнического и поликонфессионального пространства [13, с. 21].

В качестве источников для изучения интеграции степного населения в данном исследовании использовались не законодательные акты, а преимущественно, делопроизводственная документация, в которой были зафиксированы моменты дискуссий при обсуждении практических мероприятий местной администрацией. Такой круг источников позволил выявить не только альтернативные проекты, как доказательство сложности и неоднозначности принимаемых решений, проблемы, обсуждаемые при

выработке решения, а также круг участников дискуссий, т.е. скрытый в окончательном документе, дискурсивный контекст. Перефразировав яркое и образное название книги Я. Коцониса, можно сказать, что данные тексты показывают, как инородцев (кочевников) делали крестьянами (но не как казахов делали русскими) [14].

Авторы текстов, вырабатывающие и реализующие на практике колониционные проекты по освоению и интеграции окраинных регионов, обозначены как имперские эксперты. Роль экспертов видится не только в сборе сведений о колонизируемых территориях, но и в создании новых классификаций населения, сценариев и механизмов хозяйственной, социокультурной интеграции и «обрусения» присоединенных территорий и населения [12, с. 11–12]. Научные экспедиции, специальные исследовательские программы, составленные по инициативе или под контролем центральной или местной администрации, должны были выяснять экономический потенциал региона, меры по его обороне, намечать направления хозяйственного освоения, перспективы сельскохозяйственной и промышленной колонизации, выстраивать стратегию управленческого поведения в отношении коренных народов, с учетом их социокультурной специфики. География, этнография и история азиатских окраин, мотивированные потребностями «знания-власти», развивались под явным запросом имперской практики. В качестве экспертов, обсуждающих имперские проблемы на страницах журналов и газет, а нередко и в закрытых правительственных совещаниях и комиссиях, часто можно видеть ведущих российских ученых, которые осуществляли интеллектуальный транзит достижений западной политической и экономической науки и практики, определяя различные варианты российского видения своего Востока.

Используя нехарактерную для правительственного дискурса социальную, народническую, а порой и социалистическую риторику, эксперты, тем не менее, приходили к вполне приемлемым для имперских властей выводам не только о прогрессивности и закономерности российской колонизации, но и создавали модели будущего социального и административного устройства колонизируемых окраин. Интересно, что периодически обостряющиеся национальные вопросы империи, формирующийся русский национализм, находили слабое отражение среде профессиональных переселенческих чиновников.

Обострение национальных вопросов на имперских, прежде всего, западных окраинах, а также формирование собственно русского национализма постепенно корректировали цивилизационный дискурс российского интеллектуального общества. Деление общества на «мир культуры» и «мир дикости» постепенно усложнялось, наполняясь новыми, в том числе этническими, территориальными, конфессиональными характеристиками. При рассмотрении текстов имперских экспертов большой интерес представляют способы презентации образованными людьми кочевого социума и его представителей. Рассуждения администраторов об устройстве

инородческого быта, развитию в степи русской гражданственности неизбежно приводило их к конструированию образа русского крестьянина как образцовой модели для дальнейшей его трансляции в «чуждую» инородческую среду. Русская крестьянская модель в данном случае выступала как типичный цивилизаторский (! но не национальный) проект, хотя и с учетом наличия еще более низкого уровня – инородческого, главным проявлением которого являлся кочевой образ жизни. Граница, которая фиксировалась наблюдателями, между российскими переселенцами и местными народами имела не столько этническую, но, прежде всего культурную, точнее хозяйственную границу [25, с. 11].

«Степной инородческий проект» империи начинается в эпоху М.М. Сперанского, когда в 20-е гг. XIX в. параллельно с «Уставом об инородцах» были разработаны «Устав о сибирских киргизах» (1822) и «Устав об оренбургских киргизах» (1824). В Уставе об управлении инородцев киргиз-кайсаки были отнесены к разряду кочующих инородцев с особым уставом¹. Критерий отнесения к разряду – образ жизни, «качество главного промысла, составляющего главный способ их пропитания, а не по тем занятиям, кои они могут иметь случайно, временно и совокупно с главным». Ни язык, ни вера не влияли на определение разряда. Дополнительные критерии, выделяющие население в кочевой разряд были определены следующим образом: непостоянство места жительства, степень гражданского образования, простота нравов, особенные обычаи, характер пропитания, недостаток монеты в обращении и способов сбывания на месте лова произведений. Переход из разряда в разряд, а также в иные российские сословия предполагался изначально исключительно «по воле» самих инородцев («и вообще без собственного их желания не будут включены ни в какое сословие»). Для кочующих инородцев при «оседлом водворении» была открыта возможность перехода в сословие государственных крестьян, городских жителей или купцов «без ограничения», притом со свободой от рекрутства. В «Уставе о сибирских киргизах» подтверждались права киргизов, как кочующих инородцев, в том числе право перехода в другие государственные сословия, право селиться внутри империи и записываться в гильдии. Особыми сословными правами наделялись султаны, в частности, освобождением от телесных наказаний, а также чинами за службу.

Уже в момент интеграции нового населения государство фиксирует конструирование, а не описание, имеющейся номинации, что проявляется в новом наименовании народа [15]. Включение киргиз-кайсаков Средней орды в состав Омской области прибавило к их наименованию еще и территориальный критерий – сибирские киргизы². Дальнейшие процессы формирования нации происходят внутри тех новых социальных конструкторов, которые создает империя. [5]

¹ ПСЗ-I. Т. 38. № 29126. С. 394.

² ПСЗ-I. Т. 38. № 29125.

«Сибирские киргизы» как сословная категория с сохранением, как и в случае с категориями «сибирский инородец» и «кочевой инородец», промежуточности и переходности однозначно сохраняется на всем протяжении XIX – начала XX в. [Иную точку зрения: см.: 6, с. 268]. В юридическом контексте данное понятие используется именно как сословная категория, и в классификациях XIX в. киргизы упоминаются среди крестьян, казаков, городских купцов и мещан¹. Можно высказать предположение, что категория «сибирские киргизы» как более общая номинация для категории «кочующий инородец» в официальном деловом языке не имела прямой ссылки на этнический компонент этих групп. Так же следует отметить отсутствие в научной литературе, и тем более в деловой переписке, негативных коннотаций при использовании категории «сибирские киргизы». Для акцентирования таких качеств как отсталость, примитивность, не рациональность хозяйствования, потребительское хозяйство использовался достаточно широкий перечень определений и терминологических систем: пастушьи орды, первобытное хозяйство, хищническое хозяйство, кочевники, дикие орды.

С середины XIX в. в результате присоединения основных территорий с казахским населением начинается обсуждение дальнейших перспектив региона. Еще до начала буржуазных реформ в России, в Сибири с начала 50-х гг. в эпоху II Сибирского комитета провозглашается новый курс на последовательную интеграцию Сибири в российское политико-административное и социальное пространство. При этом дореформенная эпоха объясняет отсутствие даже в центре «гражданской лексики». Вместо идеи социального и правового равенства граждан империя предлагает национальное единение и русификацию: сделать физиономию Сибири русской, превратить Сибирь в плавильный котел Российской империи.

В качестве одной из причин незавершенности очередного приступа к сибирским реформам можно считать стойкое нежелание центра признавать «отдельность», а, следовательно, и «особость» Сибири в составе Российской империи [17, с. 141]. В результате отказа от колониального дискурса в отношении этого региона многие практики, в том числе и русификаторские, используемые на западных окраинах, на Кавказе в Сибири не получили распространения. Провозглашенные цели соответствовали видению проблемы из центра, но при этом реализация этой политики на практике соотносилась с местными условиями, снимающими остроту и радикализм национального вопроса.

Даже если принять во внимание наиболее радикально-национальный проект колонизации Сибири, направленный во Второй Сибирский комитет киевским чиновником Лаврентием Похилевичем (его лозунг: объединить «инородцев с русским населением узами единоверия и

¹ ПСЗ-И. Т. 38. № 29125.

единословия»), то и в нем часть мероприятий носит сословный характер¹. «Умножение народонаселения русского в Сибири» предполагалось достичь перемещением излишков населения, введением дополнительного рекрутского набора в Сибирь для всех сословий. Собственно к русификаторским мероприятиям можно отнести только так называемый «брачный эксперимент», предложенный для сибирских народов и населения Европейской России. Наиболее удобным и верным средством обрусения многочисленных инородцев Сибири Л. Похилевич считал ассимиляционные программы. В своем проекте он предлагал долговременный радикальный по средствам и последствиям эксперимент «перерождения» наиболее крупных сибирских народностей. Суть этой программы заключалась в следующем: крупные партии молодых холостых представителей инородческого племени (до 1000 человек), сформированные в казачьи полки, отправлялись в Европейскую Россию, включая Польшу и Финляндию для заключения браков с «местными девицами». Местное гражданское и духовное начальство должно было содействовать сближению «чужестранцев» с коренным русским населением. Возвращаясь обратно, молодожены забирали с собой холостых представителей местного населения. В такой последовательности «брачный эксперимент» повторялся для закрепления результатов до 30 раз. Помимо конечного итога – увеличения численности населения, происходили и качественные его изменения – «оно превращалось в чисто русское... делалось богаче, красивее, образованнее», придавая азиатской окраине совершенно новый вид. Важным представлялся и сам процесс «путешествия за невестами», поскольку позволял разрушать изолированное положение инородцев, усовершенствовать знания русского языка, что в конечном итоге, приводило бы к «сознательному обрусению». Приоритет именно национального критерия этого проекта видится в выстраивании иерархии наций (высшие и низшие), присутствии культуртрегерских мер по распространению русского языка и православия. Неочевидность и невыраженность на данном этапе этноконфессиональных проблем делала преждевременными предложенные меры для восточных окраин. Можно предположить, что столь радикальные обрусительные мероприятия со стороны государства, распространение их на широкие слои населения могло спровоцировать зарождение и обострение национальных / этнических вопросов.

В итоге интеграционные мероприятия в отношении сибирских инородцев завершились очередной попыткой объединить несколько волости оседлых инородцев с русскими крестьянскими волостями, а для кочевых инородцев Степи, поскольку их объединять еще было не с кем, были созданы проекты уставов волостных и аульных обществ². Обратим внимание на два принципиальных момента, характерных для подготовки этих документов. Во-

¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 5. Д. 73. 1856.

² ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4369, 4372, 4373, 4375, 4358.

первых, проекты уставов для низовых органов волостного и сельского управления в Главном управлении Западной Сибири создавались не только для всех категорий инородцев, но и для государственных крестьян с общей целью унифицировать и рационализировать волостные учреждения, на основе порядков «образцовой волости». Значительное внимание при этом в «Наказе волостным управителям...» уделялось собственно волостному делопроизводству, вновь вводимым порядкам переписки и отчетности. Во-вторых, создание уставов не предполагало внедрение в сферу инородческих низовых институтов власти неких русских традиций управления. В наказах были систематизированы действующие правовые нормы Устава об инородцах, Устава о сибирских киргизов, Общего наказа Частному окружному управлению области сибирских киргизов, Общих губернских учреждений, а так же циркулярные распоряжения местных властей и Министерства государственных имуществ, что позволяло с одной стороны, учитывать специфику традиционных институтов аборигенного кочевого населения, а с другой – преодолевать их правовую обособленность.

Принятие «Временного положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» 1868 г., активизировало обсуждение местными администрациями дальнейших перспектив степных окраин в составе Российской империи, оптимальных и продуктивных колонизационных практик. Период, начиная 70-х гг. XIX в., в этом отношении был особенно плодотворным, поскольку генеральная линия (а, именно, русская крестьянская колонизация) этого процесса еще не была определена. В записках, проектах и отчетах степных чиновников и научных экспертов были предложены альтернативные варианты интеграции территории казахских степей: во-первых, с опорой на русского крестьянина – земледельца; во-вторых, на «киргиза-пахаря».

Наряду с традиционной цивилизаторской лексикой в проектах 70-х гг. можно отметить и нехарактерные прежде, по крайней мере, для чиновничьего дискурса народнические интонации и обороты. В докладной записке младшего чиновника по особым поручениям Н.Н. Балкашина цивилизация кочевников через тесные контакты с русскими земледельцами была охарактеризована, как наиболее перспективная политика империи. Кочевой быт характеризовался как отсталый, костный, неустойчивый, «чуждый правильной оседлости и рационального хозяйства». Но, при этом признавалось возможным, хотя и в весьма отдаленной перспективе, «самобытное достижение высшей цивилизации» кочевниками, причем «киргизской цивилизации», что указывает на очевидное влияние народнической идеологии. Второй вариант в административной практике предполагал сохранение (консервацию) кочевников (пастушьих народов) в первобытном состоянии¹.

Кочевое хозяйство считалось более примитивным по сравнению с

¹ ГИАОО. Ф. 3. Оп.7. Д. 11587. Л. 81.

земледелием, более зависимым от стихии природы и потому «благородная культурная миссия в Степи» связывалась также с распространением «более высокой хозяйственной культуры». Вновь освоенные земли, включенных в земледельческий оборот назывались «культурной площадью» (возвращая тем самым понятию «культуры» первоначальное значение), а новый этап отношений с кочевниками этапом «культуризации», т. е. «продвижения степняка по пути, указанному культуризатором-землепашцем», приобщения населения к «великой семье культурного человека» [24, с. 43].

В проектах западносибирской администрации отстаивалась необходимость развития в степном крае земледелия не только русских крестьян-переселенцев, но и казахов. Аргументация подобной перспективы имела преимущественно социальные характеристики, так переход к земледелию должен был привести к «замене преобладающей между киргизами замкнутости родовых начал общинными отношениями», преодолению засилья родовой аристократии. Обращение в «добрых пахарей» казахов позволило бы им избегать эксплуатации со стороны богатых казахов, крестьян, казаков, и, должно было бы способствовать «естественному развитию жизни» без насилия. В данном случае, идеальной основой для такой эволюции была бы, с точки зрения российских имперских экспертов русская община, которая в планах чиновников выступала не только как уравнилительный инструмент, но и орган опеки и попечения, защиты интересов каждого ее члена.

Практически не касаясь поземельной сущности крестьянской общины (приняв преимущества подворного, индивидуального владения), эксперты оценивали политическую, социальную, административную и национальную составляющую крестьянской общины. Поднимается в связи с этим вопрос о возможности и необходимости распространения общинной формы и владения, и управления на инородцев, в частности казахов. Помимо культуризаторского влияния русских переселенцев, которое виделось в привлечении к земледелию вообще, признавался возможным и перенос форм владения.

Хозяйственные функции общины в степных условиях, особенно при ирригационном орошении, возрастали. Земельные наделы оседлых киргизов предполагалось изымать из волости кочевников и передавать в общинное владение. Это действие было направлено против зажиточной верхушки кочевого социума, которая определялась как главный противник земледельческих занятий. При этом администрация понимала, что эта же часть населения является наиболее авторитетной, поэтому склонение ее в пользу земледелия и оседлого образа жизни принесло бы наибольший результат.

Формирование новых групп исследователи, вполне справедливо, связывали не только с законодательным утверждением новой категории, но, прежде всего, с принятием этого названия самой группой. В начале XX в. переселенческий чиновник О.А. Шкапский зафиксировал прогнозируемую ситуацию возникновения новой идентичности: «Можно судить по тому

гордому и довольному тону, с каким жители с. Таш-Тюбе называют себя крестьянами, в этом тоне чувствуется сознание свободного хозяина, который рад, что он вышел из под власти манапов, и это сознание выражается в любовном отношении к чуждому для него по языку названию крестьянин» [Цит. по: 26, с. 76].

Важным моментом «вербальной интеграции» в административных проектах становилось определение нового (переходного) состояния, как самого местного населения, так и его институтов. При подготовке и проведении административных реформ властные структуры с собственным делопроизводством подключаются к «переименованиям», значительно увеличивая их результативность. В этом мероприятии чиновников можно усмотреть не столько стремление к повышению эффективности управления, усилению контроля, но и шаг на пути унификации этнолокального, культурного многообразия и создания новых интеграционных групп. Процесс переименования, тем более для закрепляемых в законодательстве терминов, требовал известной осторожности и гибкости. Так в массовом сознании понятия «земледелец», «пахарь» и «крестьянин» практически сливались, но их перенесение на инородческое население было крайне затруднительным, в связи с возникновением устойчивых ассоциативных связок понятия «крестьянин» с христианской религией, наиболее тягостными видами податей и повинностей. В качестве альтернативы «крестьянину» в делопроизводственной документации встречаются «лучшие мужики», «ясачные мужички» и даже «добрые пахари». В данном случае власть не разрушает существующие социальные порядки, но модифицирует, привнося новые ассоциации зажиточных и достойных представителей общества с русским мужиком. Подобные понятия подходили для текущей практики, но были неуместны для законодательства. В проекте Акмолинского военного губернатора «Об устройстве поселений в степи Акмолинской области» для новых категорий верноподданных граждан предлагались новые нейтральные юридические статусы «полуоседлый» и «оседлый киргиз», «сельский обыватель степи», но они приравнивались по правам и в управлении к «Россиянам» и «причислялись к разряду сельских обывателей, водворенных на собственных землях». Обязательным условием развития сельских обывателей степи было создания самостоятельной административной структуры по образцу крестьянского – «существующему в русских селениях с непосредственным подчинением уездным управлениям»¹.

Новая категория – «сельские обыватели степи» изначально должна была решать несколько задач: во-первых, создавать положительный и привлекательный образ для инородческого населения, во-вторых, включать казахское население в общесибирские и общеимперские практики интеграции, в-третьих, достаточно четко показывать перспективные задачи, которые ставило государство перед собой в данном регионе. Причисление

¹ ГИАОО. Ф. 3. Оп.7. Д. 11587. Л. 125 об.

специфической группы (в данном случае, казахов-земледельцев) к уже сложившейся правовой категории (сельские обыватели) не требовал разработки особого положения или устава, что закрепляло бы их обособленное положение.

Особое внимание в проектах уделялось устройству оседлых и полuosедлых волостей и сельских обществ киргизов-земледельцев, которые воспроизводили по форме, структуре и функциям учреждения крестьянского самоуправления. Низшие административные структуры рассматривались чиновниками как важнейший канал влияния / внедрения новых ценностных установок, связанных с оседлым образом жизни, земледельческой культурой. «Российская модель» волостного и сельского управления представлялась местной администрацией в качестве идеальной основы для интеграции сельского и инородческого населения. При этом главным достоинством данной модели была ее адаптация к общеимперскому законодательству и аппарату управления. На данном этапе интеграционные процессы на уровне волости имели характер административной унификации и не предполагали русификации в культурном (языковом и конфессиональном) смысле. Конечным результатом этих процессов была гомогенизация имперского пространства, а в качестве приоритетного идентификатора выдвигался в данном конкретном случае сословный критерий, а не этническая идентичность.

В статистических отчетах начала XX в. категория «киргиз» (сохраняя дух или верность Уставам Сперанского), фактически, используется как сословная категория. В статистических сведениях о Степных областях выделялись следующие категории степного населения: «киргизы (72,1%), казаки (9,62%), крестьяне-переселенцы (10,46 %). Остальные 7,8 % приходятся на дворян, духовенство, купцов, мещан и разночинцев» [9, с. 4–7]. Даже при подаче этнических классификаций категория «киргизы» шла в сочетании с хозяйственным критерием – «кочевники». Оседлое население Степных территорий имело, как этнические характеристики, так и этнотерриториальные и этносословные: русские, включая великоруссков и малорусов, татар, эстонцев, латышей, поляков, евреев, калмыков, «сартров, бухарцев и других среднеазиатцев» [9, с. 4–7].

Интенсивность проведения интеграционных мероприятий на уровне волости зависела как от степени включенности более крупных, чем волость территориальных единиц, так и от готовности населения к восприятию новаций. Наиболее значительные подвижки происходили у аборигенов, проживающих в зоне активного торгово-промышленного и земледельческого развития, интенсивных контактов с русским населением. Инкорпорированные в административную систему традиционные институты самоуправления, фактически сохраняли лишь форму, постепенно наполняясь новым содержанием. Расширяясь, имперское пространство не консервировало традиционное общество и его институты, а трансформировало, разрывая локализм и замкнутость «малого» общества, заменяя горизонтальные связи на

вертикальные. Государство практически не использовало насильственных методов интеграции, заменяя их символическими, ментальными практиками, позволяющими привыкать к власти, и самому обществу к новым отношениям.

Тексты имперских экспертов, а также предпринимаемые колонизационные практики на азиатских окраинах Российской империи в отношении местного населения показывают, что иерархически сложная сословная структура не только не изжила себя во второй половине XIX – начале XX в., но оставалась вполне действенным и эффективным инструментом интеграции сложного социального, административного и хозяйственного пространства окраинных территорий Российской империи. Акторы сословности доминировали в российском обществе на протяжении XIX – начала XX в., однако, основная тенденция трансформации социального пространства, а именно, его модернизация вполне прослеживается не только во взглядах оппозиционных и официальных экспертов, но и в конкретных мероприятиях, направленных на рационализацию управленческого аппарата, его бюрократизацию, развитие профессионализма, социальной мобильности и демократизации местного общества [7; 16; 18].

В конце XIX – начале XX в. под влиянием критики сословного строя в общественных науках начинают продвигаться социальные теории, предлагающие новые, более прогрессивные социальные классификации, в том числе классовые. «Общественные классы» группировались по общности социально-экономических критериев: роду занятий, образованию, величине дохода, влиянию в обществе. В отличие от социально-правовых групп классовые общности не фиксировались законодательно, но, как и сословные группы могли осознавать свое внутреннее единство (обладать самоидентичностью) и иметь общие представления о других группах (так называемая, перекрестная идентичность) [8]. Главное преимущество новых классификаций, перед сословной стратификацией – в равенстве прав и обязанностей перед законом всех членов общества, в возможностях социальной мобильности ограниченной только личными качествами. Такая демократическая схема, направленная на преодоление самых различных (феодално-аристократических, сословных, национальных) видов неравенства была особенно близка левонастроенной русской интеллигенции. В классификациях Г. Чиркина, Ф. Щербины происходит очевидный отход от цивилизаторской лексики, в пользу социально-экономической, классовой. «Рядовые киргизы, т.е. серая народная масса», «рядовая масса киргизского народа», бедняки-киргизы и противостоящие им «богачи и воротилы» – эти группы определяются как классы, хотя при этом допускаются в качестве аутентичных синонимов понятия «белая» и «черная кость (букара)» [26, с. 63]. Однако даже в последнем случае, критерий происхождения был подчиненным по отношению к экономическому – владению землей: богатый киргиз – обладатель земли, «помещик», а рядовой киргиз – держатель, крепостной. Социальный подход корректировал/ маскировал/ подменял возможные этнические основания конфликта между русскими переселенцами и казаками-

кочевниками). При такой классификации местного общества, большинство инородческого кочевого населения вполне могло объединяться с русскими переселенцами против своих эксплуататоров родовой знати (или в других условиях, против старожилов). Так Г. Чиркин – переселенческий эксперт начала века, отмечал: «Те мнимые жалобы на допущения переселенца в степи, которые исходили, будто бы, от киргиз, служили, в сущности, отголоском недовольства богачей и воротил в глухой степи» [26, с. 63]. Подобное сопоставление, уже само по себе задавало определенную программу, с очевидными для русской администрации «прогрессивными» задачами разрушения «феодально-крепостнического строя» с помощью русской колонизации. Это радикальное направление «степных экспертов» резко критиковало и местные власти, защищающие интересы аборигенов, и казахскую интеллигенцию, «нелепо опасующуюся безземелья и грядущего вымирания».

Однако социальный нарратив оказался внедрен и в официальные документы, где главную причину протеста казахов, видели именно в сохранении прослойки богатых и влиятельных родовичей, а также наличии у туземных обществ прежнего простора землепользования» [9, с. 22–23]. В материалах Совещания о землеустройстве киргиз отмечалось: «Такое настроение населения поддерживалось иногда администрацией Степных областей, в особенности Уральской и Тургайской, некоторые представители которой до самого последнего времени проявляли отрицательное отношение к колонизационным видам правительства. <...> Отсюда – полная несогласованность деятельности местной администрации и чинов переселенческой организации, требующая постоянного вмешательства центральной власти».

Главной препятствующей стороной землеустройству и сентентеризации кочевников в степных областях и Забайкалье они объявляли местных богатеев и родовую аристократию. Труды комиссии Ф. Щербины показали, что социальная дифференциация в киргизском обществе весьма велика. «Белая кость еще в старину захватила в свои руки политическую власть над киргизами и крепко держится за нее. Туркестанское и Степное положения только придали этой белой кости большее значение и помогли ей более подчинить себе киргизскую массу. Главную опору для белой кости в порабощении рядовой киргизской массы являлось, по мнению эксперта, владение землею, а рядовая киргизская масса попадала в зависимость, являясь «держателями этой земли».

Появление социально-экономической терминологии и классификаций населения Степного края можно объяснить качественным составом «имперских экспертов», которые составляли колонизационные тексты, занимаясь научным освоением этого региона. Начиная с эпохи Великих реформ портрет типичного переселенческого чиновника, решительно, выбивался из общего строя российской бюрократии. «Идеалист народник, работающий не считая часов за скудное вознаграждение и не мечтающий ни о

какой карьере» – такими видел своих соратников родовитый дворянин А.А. Татищев, попавший на службу в Переселенческое управление [22, с. 35]. Как в центральных учреждениях, так и на местах переселенческое дело собирало людей образованных, начитанных и увлеченных народом. Если петербургские чиновники характеризовались как «довольно левые», близкие по идеям к «образовавшейся в 1905 г. Партии демократических реформ», то окраинные чиновники, а также привлекаемые к переселенческому делу эксперты имели радикально левые, оппозиционные взгляды. При проведении масштабных естественно-исторических и природно-климатических исследований Степного региона местная администрация вынужденно привлекала (в связи с отсутствием или недостатком лояльной интеллигенции в Сибири) грамотный контингент из политических ссыльных. По сведениям, собранным МВД, жандармскими управлениями после Первой русской революции именно переселенческие структуры концентрировали в своих рядах «политически неблагонадежных», «принадлежащих к противозаконным сообществам», ведущих политическую агитацию, «в духе трудовиков и социал-демократов»), не только знакомых с литературой по различным социальным вопросам, но и распространяющих ее¹. Вряд ли чиновники других ведомств, даже условиях революционного времени, могли «заслужить» «особое наблюдение и строгость по части служебной дисциплины в виду культурного сепаратизма»². А.А. Татищев отмечал, что хотя общая тенденция «усиливалась в пользу национализма, шла борьба с сепаратизмом Финляндии, а "Новое время" уже начинало компанию против засилья немцев» [22, с. 86], однако материалы переселенческих чиновников, описания и статистические обзоры выдавали преимущественно социально-экономические материалы.

Несмотря на обострение национальных вопросов на западных окраинах Российской империи, а также достаточно сложный характер взаимоотношений российских переселенцев и казахского населения инкорпорационные мероприятия имели сословный, а не национальный характер: власть не русифицировала, а окрестьянивала население. Этот вывод уже был озвучен в отношении социальной политики Российской империи в целом [11], однако, не менее значимо показать региональные инварианты его реализации, дополнить специфические черты сословного строя России еще одним «азиатским», «киргиз-кайсацким случаем» казусом. Для азиатских окраин Российская империя использовала преимущественно сословный вариант интеграции, который предполагал административные и налоговые механизмы.

Список литературы

¹ ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 997. Л. 29–30.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 278. Л. 124.

1. Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетей, 2007.
2. Безвиконная Е.В. Административная политика самодержавия в степном крае (20 – 60-е гг. XIX в.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.и.н. Омск, 2002. 25 с.
3. Безвиконная Е.В. Реформа 1822 г. в степном крае: проблемы реализации // Словцовские чтения – 2000 : тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. / Тюм. гос. ун-т, Тюм. обл. краевед. музей им. И. Я. Словцова; ред. Н. В. Яблонская. Тюмень: Тюмень, 2000. С. 118–120.
4. Бекмаханова Н.Е. К вопросу о различиях в методах управления казахами в XIX в. администрациями Оренбургского и Сибирского ведомств: социально-экономические и конфессиональные аспекты // Этнопанорама. Оренбург. 2006. № 3–4. С. 50–53.
5. Благова Г.Ф. Исторические взаимоотношения слов казак и казах // Этнонимы. М., 1970. С. 143–159.
6. Бобровников В.О. Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. II. М., 2012. С. 259–291.
7. Дунаева Н.В. Между сословной и гражданской свободой: эволюция правового статуса свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2010. 472 с.
8. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–142.
9. Журнал совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 145 с.
10. Забирова А. Постсоветский Казахстан: обзор современной западной историографии // Ab Imperio. 2004. № 1. С. 499–518.
11. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2009. 752 с.
12. Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 336 с.
13. Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 15–32.
14. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России. 1861–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 320 с.
15. Крафт И.И. Принятие киргизами русского подданства // Сборник узаконений о киргизах степных областей. СПб., 1898. С. 1–57.
16. Лавицкая М.И. Эволюция сословного общества Орловской губернии в условиях российской модернизации в XIX – начале XX в.: Автореф. на соиск. науч. степ. д. и. н. М., 2010. 49 с.
17. Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // Abimperio. 2002. № 2. С. 133–148.

18. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.

19. Ремнев А.В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *AbImperio*. 2011. № 1. С. 169–208.

20. Ремнев А.В. Может ли история Казахстана имперского периода быть постколониальной? Взгляд со стороны заинтересованного наблюдателя // Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество / отв. ред. Ш.К. Ахметова, З.Е. Кабульдинов, И.В. Толпеко, Н.А. Томилов. – Астана – Омск: Полиграфия «EnterGroup», 2013. С. 194 – 215.

21. Слокум Дж. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Верт П., Кабытов П.С., Миллер А.И. (Сост.) Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М.: Новое издательство, 2005. 695 с.

22. Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.

23. Филатова Е. Эволюция понятий «сословие» и «класс» в России 19 в. // Гістарычны альманах. 2004. Т. 9. [Электронный ресурс: <http://kamunikat.fontel.net/www/czasopisy/almanach/09/09.htm>]

24. Шкапский О. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса // Русская мысль. 1897. № 7. С. 44 – 58.

25. Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012.

26. Чиркин Г. Землеотводное дело в Киргизской степи и необходимость землеустройства киргиз // Вопросы колонизации. № 3.